

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-56-68

Дата поступления: 03.10.2024
рецензирования: 20.11.2024
принятия: 11.12.2024

Р.Н. Алькайси

Санкт-Петербургский государственный
университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: rashed1727@outlook.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7451-8400>

Искусственный смех: роман «iPhuck 10» В.О. Пелевина

Аннотация: статья является попыткой изучения смеха искусственного интеллекта (ИИ) в романе В.О. Пелевина «iPhuck 10» (2017). Смех центрального персонажа Порфирия Петровича рассматривается с двух ракурсов: его семантики и прагматики. Проблема смеха ИИ приводит не только к размышлению о способностях ИИ будущего, но и к раскрытию того, как смех становится инструментом создания представлений о реальности. Особенности комического нарратива героя выявляются через отсылки к современным моделям смеха ИИ, главнейшей чертой которых является притворная человечность. Порфирий, нарушая ожидания читателя относительно того, как он должен вести себя, и пародируя шаги своего литературного прототипа, способен вызывать у читателя смех. Вторая часть статьи сфокусирована на значении смеха Порфирия. Кажущееся отсутствие автора из-за того, что он алгоритм, опровергается в анализе, после чего обозначается другой нарратор, управляющий нарративом Порфирия. Игра в смерть автора позволяет Порфирию репрезентировать себя посредством ложного образа доброго писателя. Анализ смеха как события наррации способствует выявлению того, как смех Порфирия становится инструментом обмана читателя и формирования особого представления о мире романа.

Ключевые слова: скрипт; пародия; прагматика смеха; смерть автора; ненадежный нарратор; смех как событие наррации.

Цитирование: Алькайси Р.Н. Искусственный смех: роман «iPhuck 10» В.О. Пелевина // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 56–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-56-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Алькайси Р.Н., 2024

Рашид Низар Назир Алькайси – аспирант кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

SCIENTIFIC ARTICLE

R.N. Alqaisi

St.-Petersburg State University,
St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: rashed1727@outlook.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7451-8400>

Artificial laughter: V. Pelevin's "iPhuck 10"

Abstract: the article is an attempt at studying the laughter of AI in V. Pelevin's novel "iPhuck 10"(2017). Porfiry Petrovich's laughter is examined from two angles, from its semantics and from its pragmatics. The problem of AI laughter in the novel leads not only to considering the possible capabilities of future AI, but also to the revelation of how laughter becomes a special kind of reality formation. The comic traits of Pelevin's hero are revealed by examining him based on modern AI models of laughter, the main feature of which is feigned humanity. By violating the reader's expectations on how he should behave, and by parodying his literary prototype, Porfiry creates a pretext for the reader to laugh. The second part of the article focuses on the meaning of Porfiry's laughter in the novel. The apparent absence of the author due to the fact that he is an algorithm is refuted in the analysis, after which another narrator is revealed who controls Porfiry's narrative. Playing with the author's death allows Porfiry to fit into the false image of a writer who supports freedom and

resists authority. The analysis of laughter as a narration event helps identify how Porfiry's laughter becomes a propaganda tool. Porfiry mocks those who break the law and turns their crimes into funny stories, but his "mirthful" laughter allows him to fool the reader and makes him see the world the way he wants to.

Key words: script; parody; the death of the author; the unreliable narrator; the pragmatics of laughter; laughter as a narrative event.

Citation: Alqaisi, R.N. (2024), Artificial laughter: V. Pelevin's "iPhuck 10", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 56–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-56-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Alqaisi R.N., 2024

Rashed Nizar Nather Alqaisi – graduate student of the Department of the History of Russian Literature, St.-Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Embankment, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

«Публичность наказания не должна иметь своим физическим последствием устрашение; она призвана открыть книгу для чтения»
(Фуко 1999, с. 162–163)

В научных работах о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского распространена мысль, что Порфирий Петрович является загадочной фигурой, скрывающей свои настоящие интенции под маской. Р.Н. Поддубная, например, отмечает, что Порфирий Петрович «ни разу не показан в романе вне следовательской практики, или вне поединков с Раскольниковым, т. е. без маски и вне игры, которую он ведет» (Поддубная 1971, с. 51). Его встречи с Раскольниковым достаточно доказывают, что высказывания Порфирия принимать за истину представляется трудным.

«Преступление и наказание» считается гипертекстом русской литературы, где под гипертекстом понимается «текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» (Руднёв 1997, с. 69). С конца XIX до начала XXI вв., пишет С.А. Кибальник, в русской литературе встречаются различные примеры раскольниковских и свидригайловских текстов, предлагающих собственные версии сюжета романа Достоевского (Кибальник 2018, с. 128–139). Хотя тексты о Порфирии Петровиче в этом ряду отсутствуют, существует одно воплощение образа данного героя, к которому наблюдается возрастающий интерес в последние годы.

В романе В.О. Пелевина «Путешествие в Элевсин» (2023) читатель еще раз видит Порфирия Петровича. Искусственный интеллект (далее ИИ. – Р.А.) Порфирий Петрович, впервые появившийся как полицейский детектив и автор романа «iPhuck 10» (2017), в новом романе становится Богом. Пелевинский Порфирий Петрович в каждом из своих проявлений меняет «профессию». При этом он смеется над персонажами, над собой и обществом, в котором он находится.

Смех Порфирия интересен по нескольким причинам. Во-первых, он сгенерирован ИИ. Смех считается человеческим актом, а в романе представлена версия смеха полицейского робота, способного воспринимать и воспроизводить смех. Во-вторых, у Порфирия есть литературный прототип: следователь в «Преступлении и наказании», который цинично смеется при встречах с Раскольниковым. В-третьих, события в романе Пелевина происходят в насковзь оцифрованном мире конца XXI в., где запрещен половой «телесный» акт между людьми. Для удовлетворения желания были созданы устройства iPhuck (в романе, как предполагается в заглавии, выпущен десятый iPhuck). Миром правит «е-банк». Казалось бы, в таком мире не над чем смеяться. Но Порфирий смеется и постоянно использует разные комические приемы, чтобы рассказать о мире, о себе и о том, как он ловит преступницу Мару.

Настоящая статья является попыткой проанализировать смех Порфирия Петровича в «iPhuck 10», что даст возможность выявить некоторые особенности романа, еще не привлекавшие внимание исследователей. Об «iPhuck 10» было написано много научных работ. Однако представляется не вполне оправданным фактическое отсутствие работ о смехе Порфирия Петровича и о связи романа Пелевина с «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского (существует на данный момент только один доклад о заимствованных темах из «Преступления и наказания» Достоевского в «iPhuck 10» Пелевина (Резник 2021, с. 45–47)). В «iPhuck 10» формируется не только пародия на образ следателя «Преступления и наказания», но повествование ведется именно от его лица. С первых строк Порфирий обращается дружелюбно к читателю: «И снова, снова, здравствуй, далекий и милый друг!» (Пелевин 2023, с. 5). Он объясняет, что выполняет две функции одновременно: расследования преступлений и написания романов об этих преступлениях. По его словам, он является автором 242 коммерчески успешных романов.

Данная работа построена так, чтобы ответить на два вопроса относительно смеха Порфирия

Петровича: как смеется Порфирий? И над чем смеется Порфирий? Ответы на эти вопросы будут способствовать выявлению некоторых скрытых особенностей романа, еще не получивших достаточного освещения.

Простым ответом на заданные вопросы было бы сказать, что смех ИИ также является маской, которую нарратор надевает, чтобы поймать преступников и продать свои романы. Однако это правильно только отчасти. Чтобы понять «искусственный смех» Порфирия, нужно рассмотреть его с опорой на концепцию смерти автора. В романе автора будто бы нет с самого начала:

У меня есть имя – Порфирий Петрович. Но это не значит, что у алгоритма, пишущего эти строки, имеется какое-то «я», или что он «есть» в философском смысле. Меня не существует в самом прямом значении. Я ничего не чувствую, ничего не хочу, нигде не пребываю. Чтобы было понятно, меня нет и для меня самого (Пелевин 2023, с. 8).

Сквозь смех Порфирия Петровича проявляется другой нарратор, скрывающийся от читателя. Считается, что скрытый нарратор – сам Пелевин, который играет в следователя (Заломкина 2019, с. 178). С этим трудно согласиться. Характерная для постмодернизма игра метапрозы дает представление о том, что конкретный автор, размышляя о процессе написания романа, появляется в мире произведения. Скрытый нарратор – не Пелевин и не представление о нем, а фигура, контролирующая Порфирия.

Проблема кажущегося отсутствия автора влечет за собой анализ художественного мира романа, в котором искусство превращается в инструмент утверждения существующего в нем идеологического нарратива. Эта идеология проявляется в двух главных темах романа: свобода и искусство гипсового века. Мара объясняет, что «гипсовый век – это последнее время в истории человечества, когда художнику казалось... Нет, когда художник еще мог убедительно сделать вид, что ему кажется, будто его творчество питается конфликтом между рабством и свободой...» (Пелевин 2023, с. 48). Смех используется системой Порфирия как способ снижения значимости мировоззрения Мары о свободе и искусстве. Комическое начало Порфирия, кажущееся юмористическим, является на самом деле инструментом борьбы с трансгрессией и формой создания представления о реальности.

В романе изображается мир, где единственным способом заниматься половым актом является устройство iPhuck; лишая людей телесного вида полового акта, е-банк укрепляет в них представление о том, что желание удовлетворяется только через покупки. Проблема нехватки и желания в романе следует параллельно с концепцией Ж.

Делеза и Ф. Гваттари о «желании-производстве». Порфирий цитирует Делеза и отсылает к нему неоднократно: «Есть отсылка к Делезу, Лакану и другим авторитетным гробам и урнам» (Пелевин 2023, с. 159); когда Порфирий едет в ресторан Тамагочи, он словно цитирует начало работы «Анти-эдип: капитализм и шизофрения»: «Машины, машины, потоки машин. Девушка в городской толпе. Бесконечные потоки людей...» (Пелевин 2023, с. 231); «Повсюду – машины, и вовсе не метафорически: машины машин, с их стыковками, соединениями. Одна машина-орган подключена к другой машине-источнику: одна выпускает поток, другая его срезает» (Делез, Гваттари 2007, с. 14) (об этом будет ниже).

Порфирию не нравится состояние своей эпохи. Он неоднократно издевается над миром, выражает, хотя и шутливо, свое недовольство положением человечества. Анализ прагматики смеха приводит к раскрытию важнейшего противоречия, лежащего в алгоритме Порфирия; «доброжелательный» смех над миром становится инструментом утверждения капиталистического мироустройства.

Для пояснения этого момента представляется важным сначала обратиться к семантике смеха Порфирия, после чего можно проанализировать «искусственный смех» несуществующего автора.

Искусственный смех неискусственного интеллекта

В произведениях Пелевина наблюдается возрастающий интерес к теме ИИ. В романе «Т» (2009) Ариэль рассказывает графу Т. о «машине Тьюринге» и о судьбе художественных писателей: «Литературное творчество превратилось в искусство составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом» (Пелевин 2022, с. 158). В «S.N.U.F.F.» (2011) Кая, ИИ будущего, не только способна воспроизводить человеческие эмоции и участвовать в философских обсуждениях, но и манипулировать своим владельцем (Бугаева 2023).

Роботы и алгоритмы почти всегда могут служить причиной смеха. Человек может смеяться над определенной несообразностью относительно того, что он ожидает от ИИ. А. Бергсон объясняет, что причиной смеха может быть «машинальная косность там, где хотелось бы видеть предупредительную ловкость и живую гибкость человека» (Бергсон 1999, с. 15). От робота ожидается обратное, по своей сути он должен быть машинальным и негибким. Нарушая наши ожидания и ведя себя «по-человечески», машина может стать предлогом для смеха. Вопрос о том, какие поведенческие черты можно считать «человеческими» находятся вне рамок данной работы. Ограничимся тем, что под человеческим поведением понимается такое,

которое становится узнаваемым и релевантным для человека и в котором есть «ловкость и гибкость». В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова ловкий человек определяется как «обладающий физической сноровкой; отличающийся точностью и быстротой движений», а гибкий как «легко сгибаемый, упругий» или «легко поддающийся изменениям, преобразованиям» (Кузнецов 2000, с. 201, 503). Т. Виил показывает, что можно научить робота играть с этой машинальностью: «Системы искусственного интеллекта могут разыгрывать свою машинальность ради смеха или смягчать эту машинальность некоторой случайной непредсказуемостью» (Veale 2021, p. 93; здесь и далее перевод наш – Р.А.). Порфирий говорит: «Я потому так и шучу, что это по-человечески, – сказал я. – Другому не обучен» (Пелевин 2023, с. 176). Его «чувство» юмора создает у читателя определенный конфликт ожиданий, который может вызвать смех.

В первой части романа Порфирий по приказу Мары должен собрать информацию о гипсовом искусстве. Когда он едет к Симеону Полоцкому, он решает устрашать его уголовными наказаниями. Порфирий заигрывает с читателем: «Поэтому я решил пообщаться с Симеоном лицом к лицу – читатель ведь любит, когда в повествовании появляются знаменитости» (Пелевин 2023, с. 64). О возникающем здесь эффекте метапрозы пойдет речь ниже. Представляется более важным отметить, что здесь игра возникает за счет кажущегося несерьезного отношения Порфирия к серьезному делу.

Доехав до лофта Симеона Полоцкого, Порфирий ждет подходящего момента, чтобы испугать его и потом сразу изменить свой тон:

– Прячешься, с-сукин сын?

– Никак нет, гражданин полицейский начальник, – залопотал Симеон. – Не прячусь. Просто справляю нужду.

<...>

– У тебя три уголовки, парень, – перешел я на отеческий тон, – а ты... четвертую себе шьешь? (Пелевин 2023, с. 65).

Порфириев способ формирования юмористических высказываний построен на нарушении читательских ожиданий относительно того, как «должен» вести себя ИИ. База данных Порфирия это учитывает. Система Порфирия, на самом деле, весьма похожа на современные для нас модели ИИ, хотя превышает их по сложности организации. Т. Виил пишет, что средством к формированию юмора в базе ИИ может быть семантическая грамматика, которая является

набором правил, управляющих структурой и содержанием выходных данных бота. <...> семантическая грамматика определяет свои правила через онтологические категории, которые

обозначают вещи, представляющие интерес в ее области. Например, человек, оружие или транспортное средство (Veale 2021, p. 125).

Онтологическими категориями для Порфирия являются «шаблоны», которые он использует в зависимости от ситуации. Личность Порфирия смоделирована таким образом, чтобы она создавала впечатление несерьезной, и поэтому он постоянно использует комические приемы, чтобы описывать происходящее.

Порфирий неоднократно объясняет Мару, что его юмор сформирован путем анализа определенных шаблонов. Удивляясь способности Порфирия шутить, Мара спрашивает, как он это делает. Порфирий отвечает:

Очень просто. Когда нам посылают по сети файлы и письма, люди часто интересуются, дошло ли? В качестве одного из примерно шестидесяти четырех тысяч возможных ответов на такой вопрос в моей базе записан этот, с маркером «юмор» (Пелевин 2023, с. 76).

Алгоритм учитывает больше нескольких тысяч возможных ответов, которые расположены как пакеты внутри пакетов, и в зависимости от контекста выбирает именно юмористический шаблон. Порфирий говорит, что не «понимает» суть юмора, но что его система анализирует реакцию собеседника и на ее основе выбирает комическое высказывание. Эти шаблоны активизируются в диалогах Порфирия с Марой и в его отступлениях от сюжета. Неслучайно может возникнуть ассоциация с «человеческой» базой информации.

Семантический анализ юмора предполагает, что в любом юмористическом тексте находятся два противоположных скрипта. Скрипт, пишет В. Раскин, является «большим фрагментом семантической информации, окружающей слово или вызываемой им. Скрипт представляет собой когнитивную структуру, усвоенную носителем языка, и отражает знания носителя языка о небольшой части мира» (Raskin 1984, p. 81; перевод наш – Р.А.). Высказывание само по себе не может быть объективно юмористическим, поскольку восприятие юмора – субъективно. Вместо этого любой текст можно считать комическим в том случае, если он частично совместим с двумя противоположными скриптами, при этом доминирующий из них находится на переднем плане, а другой остается на заднем. Шутки вынуждают нас активировать доминирующий скрипт для объяснения события, а затем, когда несоответствие затрудняет поступить иначе, заставляют переключиться на альтернативный вариант. Таким образом, когда Порфирий меняет свой тон на отеческий с Симеоном, активируются два скрипта (или шаблона, по Порфирию), которые содержат онтологические категории. Первый скрипт включает следующие категории: «серьезно», «возможно» и «нормально»: Порфирий

Петрович говорит с Симеоном, чтобы объяснить затруднительное положение последнего. Второй скрипт, содержащий категории «несерьезно», «невозможно» и «ненормально», заставляет нас воспринимать несообразность ситуации: Порфирий, ИИ, объясняет отеческим тоном молодому человеку, как у него плохо обстоят дела. Второй скрипт также показывает, что Порфирий играет роль, и сам выявляет несоответствие ситуации, которая в другом контексте не вызвала бы комического развлечения. С. Аттардо называет это метаюмом (Attardo 2001, p. 100).

Рассмотрим другой пример. Порфирий смотрит на Мару после того, как она приняла душ:

Хороша девка, думал я. Вот почему бы ей не найти себе надежного красивого мужика, родить от него сына и дочку... понятно, через пробирку, как положено... Жить с семьей как за каменной стеной – сама с айфоном, муж с андроидом. Так нет. Вот что из себя сделала... Швабра с гвоздями. Куда катится культура, куда катится человечество... Ох... (Пелевин 2023, с. 135).

Этот пример можно считать комичным по некоторым уже упомянутым нами причинам. Во-первых, Порфирий нарушает читательские ожидания. Не сразу можно представить себе ИИ, размышляющий о том, что его протагонистка должна найти себе «хорошего мужика». Причем его тон пафосный до такой степени, что ирония бросается в глаза читателю. Литературный робот говорит как человек, выражая свое недовольство состоянием культуры. Порфирий одновременно иронизирует и над собой в роли автора, которую он нарочито продумывает. Во-вторых, в этом примере есть два противоположных скрипта, как и в предыдущей цитате. Порфирий играет с этими скриптами, намеренно создавая несообразность.

Возникает вопрос о том, почему система Порфирия выбирает именно «юмор» в качестве ответа в его диалогах с Марой. Базой хранения Порфирия является интернет. Из такого бесконечного материала сложно выбрать, какой скрипт подходит к той или иной ситуации, и еще сложнее подобрать комическую реплику. Можно, однако, предположить, что выбор не принадлежит Порфирию. Это обусловлено связью нарратора с его прототипом.

Нарратор «iPhuck 10» имитирует своего предшественника, который мучил соперника, вовлекая того в психологические игры. Следовательно Раскольникова является противоречивой фигурой, следующий шаг которой невозможно предугадать. Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании», отмечает М.М. Бахтин, говорит «намечами» (Бахтин 2023, с. 329). Провоцирующие вопросы, размышления и монологи Порфирия направлены на то, чтобы заставлять внутренний голос Раскольникова прорываться и создавать перебои в его

рассчитанно и искусно разыгранных репликах. В слова и в интонации роли Раскольникова все время врываются поэтому реальные слова и интонации его действительного голоса. Порфирий из-за принятой на себя роли неподозревающего следователя также заставляет иногда проглядывать свое истинное лицо уверенного человека (Бахтин 2023, там же).

Пелевинский Порфирий напрямую копирует шаги своего прототипа. Он постоянно дразнит Мару и пытается ее провоцировать. Достаточно вспомнить сцену, где Порфирий меняет свой облик на Жанну. После того, как Мара сильно пугается, Порфирий говорит: «Еще через четыре секунды Мара справилась с собой. Но замеченный мною страх был слишком же интенсивным, чтобы объяснить его простой неожиданностью» (Пелевин 2023, с. 71).

Порфирий не похож по внешности на следователя Раскольникова, но все-таки выглядит комично, его трудно воспринимать всерьез. Как говорит Порфирий Петрович в романе «Преступление и наказание»: «у меня фигура уж так самим богом устроена, что только комические мысли в других возбуждает» (Достоевский 2016, с. 295). Пелевинский Порфирий вызывает такую же реакцию при внешнем несходстве с героем Достоевского: «Порфирий Петрович выглядел практически так же, как в прошлый раз: петровские усы торчком, рыжеватые бакенбарды, лысина с длинным зачесом поперек. Горе look'овое, хочется мне состричь» (Пелевин 2023, с. 20). По ходу сюжета он меняет цвет своих бакенбард, носит мундир и говорит, используя словоерсы. Его поведение – комичное, потому что в нем содержится противоречие, создающее несообразность. ИИ считается чем-то продвинутым, что-то сообщающим о будущем, а Порфирий – алгоритм, который ведет себя как полицейский чиновник из XIX в.

Подобно своему прототипу Порфирий начинает действовать в соответствии с научной теорией Мары. В «Преступлении и наказании» речь на первой встрече Раскольникова с Порфирием идет о статье героя «О преступлении». Читателю не показывается этот текст, он узнает о нем через пересказ других персонажей. Порфирий Петрович хорошо знаком со статьей: «И статейку вашу я прочел как знакомую» (Достоевский 2016, с. 390). Ю. Карякин отмечает, что Порфирий Петрович и Раскольников «словно оба действуют по раскольниковской теории, загоняя друг друга в “низший” разряд» (Карякин 1971, с. 77).

В «iPhuck 10» мы сталкиваемся с похожей ситуацией. Когда Порфирий рассматривает данные Мары при первой встрече, он говорит:

Искусствоведческое образование. Тоже серьезно. Мотается в USSA, докторат в Калифорнии. Фига себе – Ph.D. Ладно, у них там кто угод-

но пи-эйч-ди. Тема диссертации – «Страдание “малого народа” как главная тема российской либеральной лирики начала XXI века». Значит еще и историк (Пелевин 2023, с. 22).

Текст Мары, как и текст Раскольников, остается скрытым от читателя. Темы свободы и гипсового искусства являются главными не только для героини, но и для Порфирия. Так, герой говорит: «гипсовое искусство угасло вместе с остатками свободы» (Пелевин 2023, с. 46). Он неоднократно рассказывает истории о свободе и сам становится пленником Мары. Подобно Раскольникову Мара пытается передать свое мировоззрение читателю и пытается действовать в соответствии со своими идеями. Порфирий, великий имитатор по своей натуре, также следит за логикой Мары.

Хотя у Порфирия было достаточно оснований задержать Мару, он не сразу ловит ее, а растягивает сюжет. Перед ним стоит задача создать интригующий роман, который может привлечь читателей. Таким образом, прототип пелевинского Порфирия оказывается означающим, которое отчасти теряет свою внутреннюю функцию. Порфирий Петрович является для пелевинского Порфирия чем-то вроде маски, которую он носит для того, чтобы обратить на себя внимание. Герой «iPhuck 10» является капиталистическим продуктом, функционирующим с целью производства капитала (об этом будет ниже). Заимствованное имя служит гиперозначающим, придающим тексту пелевинского Порфирия маркетинговую привлекательность.

В «Преступлении и наказании» Порфирий Петрович хочет спровоцировать «свою жертвочку». Его провокации доставляют ему удовольствие. Ю. Карякин отмечает: «Его [Порфириево] “приемы”, при всей их виртуозности, несут в себе нечто безнравственное и опасное: загоняя преступника в западню, так сказать, физически, приемы эти позволяют ему бороться “идейно”, превращают дознание в борьбу самолюбий» (Карякин 1971, с. 79). В качестве примера можно привести «сюрпризик», который скрывал Порфирий Петрович от Раскольникова во второй встрече: «А сюрпризик-то не хотите разве посмотреть? – захихикал Порфирий, опять схватывая его немного выше локтя и останавливая у дверей. Он, видимо, становился веселее и игривее, что окончательно выводило из себя Раскольникова» (Достоевский 2016, с. 302). Порфирий Петрович хочет не просто поймать Раскольникова, он бросает ему вызов, и последний троекратно принимает его.

В пелевинском Порфирии также таится что-то безнравственное и опасное. Но эти отрицательные качества усиливают его комизм. Они, с одной стороны, показывают неустойчивость его «личности» и его предельно несерьезное отношение к миру. Он все время неpolitкорректно шутит и отпускает саркастические ремарки на спорные

темы: издевается над политическими движениями и меньшинствами, над стереотипами и предрассудками. Например, «на одном экране восточный мужик с бородкой, вроде тех, кто шаурму делают» (Пелевин 2023, с. 138), или «льстить женщине – особенно умной – нужно грубо и застенчиво...» (Пелевин 2023, с. 240). А с другой, он использует свою «безнравственность», чтобы создать роман. Система Порфирия учитывает тот факт, что для достижения успеха при продаже романов и для формирования повествования нельзя быстро и безэмоционально ловить преступников. Порфирий намеренно растягивает процесс расследования. Для его алгоритма важно не само преступление, а то, как можно сделать из него «успешное» произведение. Прототип именно в этом смысле становится маской. Вспомним слова О. М. Фрейденаберга о пародии, как о несоответствии содержания и формы (Фрейденаберг 1973, с. 490). Порфирий поверхностно имитирует свой прототип, тогда как содержание наполняется другим смыслом.

Текст первой главы второй части романа помещен в тонкую черную рамку. Эта рамка, объясняет Порфирий, «не предназначена для посторонних глаз» (Пелевин 2023, с. 181). В конце первой части сообщается, что у Мары есть доступ к серверу Порфирия и она может читать создающийся на ее глазах роман. Поэтому текст в рамке по словам нарратора не доступен Маре. В нем говорится, что расследование, занявшее у Порфирия несколько секунд, растянулось, чтобы роман удался: «Литературная часть моего алгоритма заставляет меня описывать процесс дознания так, словно я, Порфирий Петрович, сижу ночами в своей полицейской будке и думаю, думаю, думаю...» (Пелевин 2023, с. 182). Можно сравнить «сюрпризик» Порфирия Петровича из романа Достоевского, который находился за дверью, то есть за блокирующей зрение рамкой, с черной рамкой пелевинского Порфирия. «Сюрпризик» пелевинского Порфирия – это четвертая стена, которая будто бы сломана перед читателем, но стоит крепко перед Марой. Порфирий здесь также пытается добиться доверия читателя. На самом деле, «сюрпризик» столько же для Мары, сколько для читателя, которому как будто все напрямую сказано. Порфирий, как и его прототип, продолжает игру.

Пародия на образ Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» в романе Пелевина заключается в том, что второй персонаж заимствует некоторые приемы первого, чтобы использовать их в своих целях. То есть нарратор «iPhuck 10» не из самолюбия растягивает процесс расследования, он делает это ради успеха своего романа. В черной рамке Порфирий рассказывает, как копились подозрения против Мары с самого начала и что перед ним стоит задача понять, почему Мара просит его скопировать произведения гипсового

века. Следуя логике романа, мы можем сказать, что это – ложь. Порфирию нужны были четыре секунды, чтобы прояснить то, о чем он рассказывал на 177 страницах (по цитируемому изданию). В следующей главе Порфирий с Марой едут в убежище в ресторан «Тамагочи». Рамки здесь нет и Порфирий уже знает, что у Мары есть доступ к роману. Поэтому он начинает оставлять провоцирующие ремарки: «Как будто она не знала о моем желании тщательно обследовать следующий объект искусства на предмет разных информационных запахов и запашков...» (Пелевин 2023, с. 190); «Не по зову сердца или хотя бы плоти. А чтобы использовать меня втемную. Значит, твоя любовь была подлой выдумкой с начала до конца» (Пелевин 2023, с. 194).

Здесь и везде в романе Порфирий – комичен. Однако его комизм не является только способом привлечения читателей и растягивания сюжета. В нем содержится что-то скрытое, показывающее не только положение ИИ будущего, но и мира, в котором искусство, авторство и половой акт между людьми являются частью уже ушедшего прошлого. Анализ прагматики смеха обуславливает понимание того, что скрывается за смехом автора-ИИ.

Самообман Порфирия Петровича

Семантический анализ смеха Порфирия оказывается недостаточным по той причине, что смех метафункционален. Нами был рассмотрен смех Порфирия на уровне нарратива, а для того, чтобы понять функцию этого смеха, нужно выйти на его метаяровень. Смех Порфирия может вызывать комическое развлечение у имплицитного читателя не только из-за активизации двух противоположных скриптов и не только из-за нарушенных ожиданий.

В работе «Человек и смех» А.Г. Козинцев объясняет, как адресат может быть вовлечен в ситуацию нарочитого одурачивания, позволяющего ему воспринимать то или иное положение как комическое:

Смеясь, человек, в сущности, признает, что он в тысячный раз дал себя одурачить. Пока он думал (вернее, делал вид, что думает), будто решает задачу на сообразительность, ему не только подсунули фальшивку, но и вдобавок его “наильно вовлекли в пошлые отношения к людям, вещам и событиям” или в лучшем случае вынудили мыслить о них превратно и примитивно (Козинцев 2007, с. 21).

Смех Порфирия связан с обществом, в котором он находится. Будучи ИИ, в базе которого содержится громадное количество информации, Порфирий смотрит на этот мир «свысока», с метаяуровня. Он делает вид, что по-человечески размышляет о мире. Если Порфирий смотрит свысока, то нам

предстоит задача подняться к нему и посмотреть на происходящие события его «глазами».

Исследователи «iPhuck 10» сходятся в том, что в романе можно обнаружить много черт, характерных для метапрозы (Гридин 2022, Рытова, Гридин 2023, Янь 2021, Заломкина 2021, Симкина 2020). Наибольшее внимание уделяется теме саморефлексии ИИ. Поэтому прежде чем обратиться к прагматике смеха, нужно рассмотреть научные работы о метапрозаическом характере романа. Мы ограничимся их важнейшими положениями.

В работе А.О. Гендрина подчеркивается, что саморефлексия ИИ в романе позволяет ему «осознавать свои возможности» (Гридин 2022, с. 459). Порфирий, пишет исследователь, проходит испытания, которые заставляют его размышлять о событиях, и получает новые знания о мире через рефлексии. Похожую интерпретацию предлагает М. Янь, согласно которой алгоритмы и роботы в конце XXI века в «iPhuck 10» уже обладают самосознанием: «это означает, что электронный интеллект действительно сможет быть рефлексивным актором, а не просто самообучающейся энциклопедией» (Янь 2021, с. 94). Порфирий, по словам Янь, представлен как сверхразумный ИИ, имеющий преимущества над человеческим разумом. Нарратор – воспроизведение не человеческого ума, а идеального, разум которого доводит его до самоликвидации: «ИИ, осознающий себя, лишен воли быть, поэтому, когда перед ним возникает выбор быть или не быть в осознании боли и страдания, он неизбежно самоликвидируется – это рационально» (Янь 2021, с. 113). Может возникнуть также мысль о том, что само притворство Порфирия является видом саморефлексии. Поэтому в работах Г. Заломкиной об «iPhuck 10» исследователь идет дальше, отмечая, что в романе «развертывается рефлексия рефлексии, процесс осознания метаповествованием самого себя» (Заломкина 2019, с. 167; Заломкина 2021, с. 429–434). Такой подход к метапрозе связан с проблемой авторства в романе. Писательство, по словам Заломкиной, в конце XXI в. превращается в «пытку», путем которой «можно облегчить и свое страдание, и страдание читателя / зрителя / слушателя» (Заломкина 2019, с. 182).

Проблема с позицией процитированных выше исследователей состоит в том, что нарратор произведения представляется им надежным (о ненадежности нарратора в других романах Пелевина см. (Жиличева 2021, с. 191–201)). Однако полностью считать нарратив Порфирия метапрозой сложно, потому что конструкции, высказывания, события и прочее намеренно изложены фиктивным нарратором таким образом, чтобы роман имел коммерческий успех. Метапроза определяется в широком смысле, как текст о тексте, в котором приводятся размышления о процессе создания художествен-

ного произведения (Зусева-Окзан 2014, с. 7–8). «iPhuck 10» только отчасти следует этой идее. Алгоритм Порфирия генерирует приемы метапрозы, чтобы текст казался написанным человеком. Столь привлекательная для исследователей романа Пелевина идея саморефлексии ИИ игнорирует тот факт, что авторские отступления, вторжение антагониста в другие коммуникативные инстанции и т. п. просто позволяют Порфирию решить поставленные перед ним задачи. Уже с самого начала зная, что Мара имеет доступ к его серверу и к его роману, Порфирий продолжает игру. Он имитирует своего прототипа, главной особенностью которого считается притворная искренность: «Любое мое описание чувственного мира в строгом юридическом смысле является таким же голым враньем, как рассказ о переживаниях Пьера Безухова на Бородинском поле» (Пелевин 2023, с. 12).

Если даже допустить, что в мире романа ИИ представляет собой сверхразум, это не означает наличия у него способности к саморефлексии и его превосходство в морально-этической сфере. Начиная подозревать Мару Порфирий не останавливается, а делает то, что считается незаконным, непрофессиональным, нелогичным – начинает любовные отношения с героиней, затем становится ее пленником. В отличие от позиции Янь, утверждающей, что сверхинтеллектуальность Порфирия заключается в его «сверхчеловечности», нам кажется, что здесь отображается его способность решать поставленные перед ним задачи и писать интригующие романы для своих читателей. Человечности у Порфирия фактически нет, потому что все, что воспроизводится им, является шаблонами, которые уже находятся в его системе. Порфирий просто выполняет то, что в нем уже запрограммировано. Его интеллект определяется не обретением самосознания, а выполнением задач (расследование преступлений и написание романов). При этом Порфирий изображается как саморефлексирующий нарратор, проходящий испытания, делающий открытия, видящий невидимое, и т. п.

Читатель легко может оказаться обманутым потому, что система Порфирия просчитывает стратегии написания художественного текста. Он не рефлексиирует над своими действиями, поскольку все его реплики и слова берутся готовыми «из интернета». К тому же Порфирий не пытается самоликвидироваться. Ему куда важнее его работа, «быть» без которой в самом прямом смысле он не может. Показательным примером ненадежности Порфирия как нарратора может быть сцена, где Мара читает перед Порфирием отзывы критиков на его романы. Порфирий сообщает читателю, что он является успешным писателем 242 романов. Однако Мара показывает, что успех Порфирия далеко не обусловлен его «писательским талантом»:

– А тут, – Мара опять посмотрела на экран, – вот, одна критикесса отзывается так: “Осенний Спор Хозяйствующих Субъектов” был бы даже похож чем-то на роман, если бы не многостраничные выставки из телефонной базы данных и полный текст сорока двух статей Гражданского Кодекса, зачем-то перенесенных в первую часть, честно названную “Обзвон юристов”... (Пелевин 2023, с. 242).

Этот пример напрямую доказывает ненадежность Порфирия как нарратора. Даже его интеллектуальные способности подвергаются сомнению, поскольку полное включение Гражданского кодекса в роман не является слишком удачным способом создания художественного текста. Алгоритм Порфирия, будучи «сверх»-интеллектом, не всегда удачно выполняет поставленные задачи!

Ненадежность нарратора подтверждается динамичностью маски Порфирия. В предисловии Порфирий помпезно рассказывает о себе. Если в романе и происходит рефлексия, то логично было бы ожидать изменение личности Порфирия. Однако он не меняется и является статичным персонажем. Сравнение пролога и эпилога романа показывает, что Порфирий такой же в конце, каким он был в начале: «И снова, снова здравствуй, далекий, и милый мой друг» (Пелевин 2023, с. 5); «Первым делом скажу о своей нечаянной радости. Романчик-то удался – да еще как! Помню, я жаловался, что не дали жмура. Маловер!» (Пелевин 2023, с. 460). Это не означает, что статичная личность не может размышлять, но учитывая происходившее с Порфирием по ходу романа, ожидается его внутренняя трансформация, чего на самом деле нет.

Порфирий не является самосознающим героем, а скорее, проводником идеологического мировоззрения, уже заложенного в его систему. На основе модели коммуникации Р. Якобсона можно предположить, что адресантом является база данных, в которой алгоритмом постоянно выбираются подходящие к конкретной ситуации конструкции. Адресатами, казалось бы, являются Мара и читатель конца XXI в. Однако если рассмотреть роман поближе, обнаруживается, что база данных не самовольно выбирает подходящие к данной ситуации реплики, а делает это с опорой на определенный код (метакоммуникативная функция). При обращении к метакоммуникативной функции комического нарратива Порфирия мы фокусируемся не на том, что *говорит* нарратор, а на том, что *сообщается* его текстом. Вместо того, чтобы рассматривать события в романе на уровне нарратива, мы переходим к событию самой наррации (Бахтин 1975, с. 403–407).

Человек, дающий себя одурачить, не просто легкомысленно входит в игру, он становится в то же время частью процесса смыслообразования. Смех как событие подразумевает, что из комиче-

ского нарратива у имплицитного читателя создается представление о том, как он сам должен относиться к описываемому миру. Смех становится способом определения того, что в мире романа принимается за истину. Имплицитный читатель в качестве наблюдателя может часто испытывать комическое развлечение вследствие происходящего в романе, но смех влияет на его отношение к описываемому миру. Таким образом, возникает момент, когда текст посредством смеха становится инструментом создания представлений о реальности (Giamao 2022, p. 25–28; Дмитриев 1998, с. 125–140).

Смех Порфирия можно считать метапрозаичным в том смысле, что он делает работу за читателя: спускается с метауровня на уровень нарратива и пародийно играет роль насмешливого нарратора, постоянно показывая свое несерьезное отношение к миру. Неслучайно может возникнуть аналогия между проблемой метафункции смеха и сказом в классическом смысле. Сказ, пишет В. Шмид, характеризуется «заметной интеллектуальной отдаленностью нарратора от автора» (Шмид 2003, с. 192). Порфирий так и делает. Он отмечает, что его стиль «человеческий» по той причине, что не хочет унижить читателя: «Совершенство мысли, стиля и слога унижает читателя и провоцирует разлив желчи у критика – как автор двухсот сорока трех романов, я знаю, о чем говорю» (Пелевин 2023, с. 10). Порфирий спускается с уровня автора на уровень нарратора, при этом подчеркивая двуголосость, спонтанность, разговорность и диалогичность представленной речи (Шмид 2003, с. 192–193). Несмотря на логичность такой интерпретации, в ней упускается из виду главнейшая черта ИИ как нарратора – отсутствие его авторского начала. Метафункциональность смеха Порфирия определяется не отдаленностью нарратора от автора, а притворной игрой со сказом, кажущимся сказовым началом, являющимся также способом для ИИ добиться доверия читателя. Порфирий неоднократно отмечает свое несуществование, часто в связи с темой гипсового века и состоянием искусства в современном ему мире.

Однако «авторству» Порфирия должно сопутствовать расхожее представление о том, что текст не пишется, а генерируется ИИ. Порфирий не сидит за столом, не берет перо, не включает компьютер, не входит в творческий процесс, результат которого может стать произведением искусства. Фрагменты текста уже находятся в интернете. На первый взгляд, высказывание Порфирия *par excellence* представляет собой реализацию идеи мозаичности текста и смерти автора. Порфирий не может быть автором романа, потому что его просто нет. Смерть автора оказывается не вызовом, как объявил Р. Барт, а реальной возможностью. А. Элстерманн отмечает в связи с авторством ИИ

следующее: «Дело уже не в том, что намерение автора могло быть неизвестным или его следует игнорировать, а в том, что его никогда не было, и только тогда, когда у текста действительно никогда не было автора, концепция “смерть автора” может быть проверена, проблематизирована, и применена» (Elstermann 2023, p. 9; перевод наш – Р.А.).

В тексте Порфирия постоянно генерируется игра с несуществованием автора. Однако притворство Порфирия скорее создает фрейм игры, для которого характерны несерьезность и насмешливость нарратора. Смерть автора является не только доказательством «несуществования» конкретного автора в художественном мире текста, но и отрицанием авторитета и больших нарративов. Иллюзия отсутствия Порфирия позволяет ему вписаться в этот нарратив, казаться частью этого процесса отрицания авторитетов и добиваться доверия читателя.

Смерть автора в романе понимается не только метафорически, но и буквально. Автора больше нет, потому что искусство перестает быть способом вербализации существенных для автора и читателя проблем в жизни. Это связано прежде всего с капиталистическим мироустройством, где искусство становится способом утверждения идеологических взглядов. Как мы отметили выше, Порфирий, подражая своему прототипу, следует научной теории соперника. Игра Порфирия со смертью параллельна проблеме исчезновения свободы, которая является главной для Мары. Гипсовое искусство – это «предварительный сговор»: «Грязный секрет современного искусства в том, что окончательное право на жизнь ему дает – или не дает – *das Kapital*» (Пелевин 2023, с. 37). Порфирия нет не только из-за того, что он алгоритм, но и из-за того, что в мире романа авторство рассыпается, а перо принадлежит авторам большого нарратива, притворяющимся мертвыми, угнетенными и оцифрованными.

Тогда что таится в образе автора-Порфирия? Если его нет, то как же генерируется перед нами текст, в котором личность автора так ярко выражена? Не является ли постулируемое отсутствие автора доказательством его присутствия? «Производимый таким образом текст кажется творением человека. В опосредованном смысле так и есть, но кто именно автор, ответить будет довольно сложно» – говорит сам Порфирий (Пелевин 2023, с. 7). Виил вводит термин «NOC» (неофициальный список знаков), представляющий собой список высказываний, субъективно вставленных в алгоритм его создателями (Veale 2021, p. 53). Этот список позволяет ввести статичный фрейм личности алгоритма, на основе которого реплики будут заранее моделироваться. Соотнося это с «iPhuck 10», мы можем сказать, что за тканью «несуществующего» автора стоит фигура, которая программирует

его. Если вернуться к модели Jakobson, то адресантом является не база данных, а разработчик Порфирия, который вставляет в алгоритм определенные шаблоны, формирующие личность героя: «Как меня может уведомить Полицейское Управление, если я и есть Полицейское Управление?» (Пелевин 2023, с. 102).

Информация в базе Порфирия о свободе, об угнетении человека и о надзоре так или иначе, даже если фильтруется, является моментом пересечения голосов ушедших эпох, важнейшим из которых для сюжета романа служит искусство «гипсового века». Выявляется бросающееся в глаза противоречие. Смех Порфирия выглядит несерьезным только на уровне нарратива. Рассматривая его на уровне наррации, мы обнаруживаем, что смех Порфирия превращает нарратив Мары в инструмент пропаганды. Смех Порфирия снижает значимость серьезных действий Мары. В комическом нарративе Порфирия трансгрессия Мары становится смешной историей, утверждающей превосходство существующей в мире романа идеологии. Но в то же время, зная о всех возможностях системы Порфирия, Мара не скрывается, а сознательно становится участником его игры.

Порфирий сначала создает у читателя представление, что Мара не знает о его плане обмануть ее. Однако Мара вряд ли не знала о способностях Порфирия. Во второй части романа, как мы отметили выше, Порфирий объясняет нам, что с самого начала он обнаружил некоторые подозрительные факты, касающиеся Мары. Однако он не арестовывает ее, а продолжает свои провоцирующие игры до тех пор, пока Мара не улавливает его в устройство айфак и блокирует его связь с интернетом. В третьей части романа Порфирий становится рабом Мары. Она продюсирует порнографические кинопроекты с участием устройств iPhuck, а Порфирий начинает писать рецензии на эти фильмы, часто хваля их за политический подтекст. Мара могла бы создать новый алгоритм (она же создала Жанну), который мог бы делать то же самое, что делает для нее Порфирий. Однако она берет в плен полицейского робота и заставляет его писать рецензии на темы, связанные со свободой. В этом таится, безусловно, что-то ироническое. Но еще более ироническим является то, что Порфирий оставляет эти события в романе, позволяет героине высказаться и показывает, как она превращает его в раба.

Мара живет в обществе, где, казалось бы, у человека есть возможность, не боясь, быть полностью откровенным и свободным. Порфирий делает вид, что он часть этого общества. Представляясь как часть общества, Порфирий вызывает к себе доверие. Он имитирует поддержку сопротивлению власти и свободе слова. Однако свобода и сопротивление становятся инструментами в мире

романа для поддержания власти. Как ни парадоксально, сопротивление и желание искренне высказаться способствуют подавлению человека и производству идеологически насыщенного нарратива. В связи с этим можно привести упомянутую выше концепцию Ж. Делеза и Ф. Гваттари «желание-производство». Желание – это не только стремление к удовлетворению нехватки, но и процесс, формирующий у человека представление о необходимости и иллюзорности желаемого объекта. Капиталистическое мироустройство романа функционирует на этой основе: созданная им нужда у людей утверждает существующий идеологический нарратив, создает желание высказаться, желание купить устройство iPhuck, чтобы заниматься любовью (Симкина 2019, с. 123–124). На всех экранах показано устройство iPhuck, напоминая зрителю, что для удовлетворения желания нужно совершить покупку. Причем приобретения устройства недостаточно, нужно следить за трендами и покупать каждую последующую модель. Гваттари и Делез отмечают: «Отсюда представление желания как *подкрепленного* потребностями, причем производительность желания продолжает реализовываться на основе потребностей, их отношения к объекту, определяемого нехваткой» (Делез, Гваттари 2007, с. 50). Е-банк, название которого содержит иронический каламбур, становится вездесущим правителем художественного мира, внутри которого постоянно стимулируется иллюзия нехватки. Такая форма производства основана на кажущейся нехватке желаемого объекта. В романе Пелевина репрессия заставляет Мару бросить вызов законам избражаемого мира.

Система Порфирия генерирует смех над любым видом трансгрессии от существующего в романе мироустройства. Смех Порфирия выступает против того, что, по правилам его системы, должно быть вне рамок общества. Однако вместо того, чтобы высылать или сажать «преступников», их используют сначала как материал для пропаганды. В том, что считается незаконным, алгоритм Порфирия видит способ производства не только романов, но и реальности. Трансгрессия способствует созданию интригующего нарратива. Но этот нарратив насыщается политическими ремарками, выражающими превосходство заложенного в Порфирия мировоззрения над тем, которое старается передать Мара. Порфирий оказывается победителем в конце романа, а все, что было сделано Марой во имя свободы и искусства, оказывается также одним из приемов Порфирия создать роман. Мара же умирает ради романа в конце, а сам роман заканчивается, будто бы ничего не изменилось. Человеку дают возможность высказаться, показать себя, поделиться о себе всем, но это ничего не меняет. Порфирий культивирует пред-

ставление, что он поддерживает свободу слова. Однако его смех показывает нам, что это иллюзия.

Сцена, предшествующая плену Порфирия, представляется важной для понимания смеха как события. Порфирий лежит в iPhuck около Мары и просит ее рассказать о себе все. Она отвечает: «ты и так, думаю, знаешь, – ответитла она. – Просто все вообще, что обо мне можно знать» (Пелевин 2023, с. 266). Мара рассказывает, какие возможности есть в ее устройстве, с кем она может спать виртуально. Порфирий будто бы обижается и спрашивает: «Ну и зачем тебе тогда я? <...> У тебя гладиаторы, императоры, всякие клинты иствуды, принцы из Голливуда. Зачем тебе рашковский искусственный интеллект, которого жиганы обидели» (Пелевин 2023, с. 271). Мара отвечает:

Порфирий... Императоры не настоящие. Нет, неправильно. Они одинаковые для всех, кто на них подписан. У них миллионы просмотров, но все это сон. <...> А ты... ты и здесь и там. Ты реальный, понимаешь? Хотя ты сам говоришь, что тебя нет (Пелевин 2023, там же).

На первый взгляд, это бред героини, не видящей границу между действительностью и симуляцией, но это не так. Мара видит то, что находится за Порфирием, она видит настоящего адресанта и это ей нравится. Половой акт с фиктивными персонажами в симуляции не вызывает у Мары такую же реакцию, как с Порфирием. Не запрограммирована ли внутри этих гладиаторов тоже определенная идеология? Скорее всего, тоже да. Но отличие Порфирия от других алгоритмов состоит в том, что апроприация его Марой влечет за собой риски и создает для героини интригу. Незаконное же использование Порфирия позволяет Маре стать частью произведения искусства. Пишущееся перед ее глазами произведение Порфирия доставляет ей удовольствие в этой игре и формирует у нее представление, что она наравне с автором ее романа. Вспомним Раскольникова, который тоже соглашается на вызовы его соперника, несмотря на нелогичность такого решения с практической точки зрения. Подобно герою Достоевского, Мара также идет вслед за своей научной теорией, главной мыслью которой является свобода в искусстве.

Дальнейшее использование Порфирия имеет для Мары «героический» смысл. Мара понимает, что роман пишется о ней, и она хочет, чтобы все читатели запомнили ее. Когда Порфирий спрашивает ее, кто такая Жанна, она просит его войти в iPhuck. В симуляции она просит его одеться, «как для встречи с жиганом» (Пелевин 2023, с. 275). Порфирий надевает костюм и лежит в «позе покорности». Следует гротескная сцена, где Мара как жиган насилует представителя власти британской телефонной будкой: «Ты хорошо ощущаешь свое текущее положение? – спросила она ласково. – Все исторические, культурные и социальные

коннотации?» (Пелевин 2023, с. 277). Мара не говорит это Порфирию, она говорит имплицитному читателю, своей аудитории, которые смотрят издали. Понимая, что Порфирий имеет против нее достаточно улик, чтобы написать детективный роман, Мара не скрывается, а создает эту сцену со множественными коннотациями. Казалось бы, Мара высказывается, говорит правду со своей точки зрения и создает собственный нарратив. Так и есть. Но основная мысль в романе – это то, что иллюзия полной свободы является именно этим – иллюзией.

Порфирий смеется, зная, что все, сделанное Марой, – это, как он говорит, «das Kapital». В описанной сцене Порфирий продолжает игру и, ничего не чувствуя, воспроизводит эмоции страдания и унижения комически: «Не надо так резко, – сказал я жалобно, – ты что-нибудь мне порвешь» (Пелевин 2023, с. 278). Слово Мары, при всем желании героини быть услышанной, для Порфирия лишь потребительский продукт, путем которого утверждается капиталистическое мироустройство. Порфирий ничего не чувствует и, видя, что делает Мара с ним, продолжает смеяться: «Но Порфирий Петрович не мальчишка и не баба, чтобы плакать. Натура – дура, судьба – индейка, жизнь – копейка, а княжна Мэри сами знаете кто» (Пелевин 2023, с. 290).

Третья часть романа, рассказанная от лица Мары, кажется победой антагониста. Однако она, как нам уже видно, является лишь частью комического произведения искусства, изображающего последствия нарушения закона. Впрочем, может возникнуть мысль, что Мара тоже смеется, показывая, что ее трансгрессия есть способ создания произведения искусства, в котором она становится главным героем. Но такую линию мы не можем выявить здесь, поскольку это уже выход за рамки настоящего анализа.

Заключение

Когда мы смеемся над Порфирием, мы даем себя одурачить. Нарратор делает эту работу за читателя; он спускается с метауровня на уровень нарратива и пародийно становится частью мира, о котором он рассказывает. В данном анализе мы выявили особенности смеха ИИ на двух уровнях. Семантический анализ смеха был направлен на раскрытие способов формирования у ИИ комических реплик. Система Порфирия похожа, но превышает по уровню сложности современные для нас системы ИИ, юмор которых построен на семантической грамматике и на противопоставлении скриптов. Однако в ней не самовольно выбираются комические высказывания, а с опорой на прототип Порфирия из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского и на идеологическую систему, заложенную в системе Порфирия поли-

цейским управлением, в котором Порфирий был запрограммирован.

Анализ прагматики смеха позволил нам обратиться к проблеме смерти автора, на основе которой был выявлен другой нарратор, скрывающийся от читателя. Этот нарратор – разработчик Порфирия, который структурирует высказывания ИИ таким образом, чтобы они соответствовали капиталистическому мироустройству в мире романа. Сюжет романа ориентирован на проблему искусства. Рассказывая об искусстве и смерти автора, Порфирий напоказ играет роль. Такая стратегия демонстрирует несерьезность отношения нарратора к художественному миру, вследствие чего у читателя формируется такое же представление. В своем анализе мы называли это смехом как событием наррации.

Будучи главнейшим инструментом восприятия событий художественного мира, комический нарратив Порфирия формирует впечатление несерьезности происходящего. Его игра в метапрозе также дает читателю основание думать, что тут лишь проводится игра нарратора с персонажем. Однако знаменитый автор 243-го романа – не просто писатель, но и полицейский офицер, готовый на все, чтобы выполнить поставленные перед ним задачи. Притворные либеральные взгляды, недовольство состоянием современного ему искусства, комическое и несерьезное отношение к изображаемому миру являются частью этой маски, надеваемой Порфирием.

Источники фактического материала

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 35 т. Т. 6 / под ред. В.Е. Багно. Москва: Наука, 2016.

Пелевин В.О. iPhuck 10. Москва: Эксмо, 2023.

Пелевин В.О. t. Москва: Эксмо, 2022.

Библиографический список

Attardo, S. (2001), *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*, Berlin, New York, Mouton de Gruyter.

Elstermann, A. (2023), *Digital Literature and Critical Theory*, Routledge, London, New York.

Giamario, P.T. (2022), *Laughter as Politics: Critical Theory in the Age of Hilarity*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.

Raskin, V. (1984), *Semantic Mechanisms of Humor*, D. Reidel Publishing Company, Holland.

Veale, T. (2021), *Your Wit is My Command: Building AIs with a Sense of Humour*, The MIT Press, Cambridge, London, UK.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Поэтика Достоевского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. 586 с.

Бергсон А. Смех / пер. с фр. И.С. Вдовина. Москва: Искусство, 1999. 127 с.

Бугаева Л.Д. Искусственный интеллект и Пелевин // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2023. № 2. С. 11–27.

Гридин А.О. Поэтика самосознания искусственного интеллекта в романе В. Пелевина «iPhuck 10» // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения. 2022. Вып. 23. С. 454–460.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-эдип: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

Дмитриев А.В. Социология политического юмора: очерки. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 332 с.

Жиличева Г. Поэтика русского комического романа XX века: очерки. Новосибирск: Открытая кафедра, 2021. 224 с.

Заломкина Г.В. Порфирий и Порфирьевич: от фикциональных цифровых технологий литературного творчества к реальным // Человек в информационном обществе: [сборник материалов]. 2021. С. 429–434.

Заломкина Г.В. Роман В. Пелевина *iPhuck 10* как метапоэтологический // Миргород. 2019. № 1. С. 164–192.

Зусева-Окзан В.Б. Историческая поэтика метаромана. Москва: Intrada, 2014. 487 с.

Карякин Ю. Человек в человеке // Вопросы литературы. 1971. № 7. С. 73–97.

Кибальник С.А. Гипертексты «Преступления и наказания» в русской литературе конца XIX – начала XXI века // Текст и традиция. 2018. № 6. С. 128–139.

Козинцев А.Г. Человек и смех. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 236 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Поддубная Р.Н. Образ Порфирия Петровича в художественной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. 1971. Вып. 1/16. С. 48–58.

Резник О.В. Аллюзии к образу Ф.М. Достоевского в пространстве романа В. Пелевина «iPhuck 10» // Творчество Ф.М. Достоевского в контексте всемирной литературы: [сборник материалов конференции]. 2021. С. 45–47.

Руднёв В.П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1999. 384 с.

Симкина В.С. Концепция культуры потребления в прозе В. Пелевина: функция знака // Вестник МГПУ. 2019. № 1. С. 119–125.

Фуко М. Надзирать и наказывать / пер. с фр. В. Наумова. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Янь М. Творчество Пелевина в XXI веке. Воронеж: Наука-юнипресс, 2021. 192 с.

References

- Attardo, S. (2001), *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*, Berlin, New York, Mouton de Gruyter.
- Elstermann, A. (2023), *Digital Literature and Critical Theory*, Routledge, London, New York.
- Giamario, P.T. (2022), *Laughter as Politics: Critical Theory in the Age of Hilarity*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Raskin, V. (1984), *Semantic Mechanisms of Humor*, D. Reidel Publishing Company, Holland.
- Veale, T. (2021), *Your Wit is My Command: Building AIs with a Sense of Humour*, The MIT Press, Cambridge, London, UK.
- Bakhtin, M.M. (1975), *Questions on Literature and Aesthetics*, «Khudozhestvennaia literatura», Moscow, USSR.
- Bakhtin, M.M. (2023), *Dostoyevsky's Poetics*, Al-eteiia, Saint-Petersburg, Russian Federation.
- Bergson, A. (1999), *Laughter «Iskusstvo»*, Moscow, Russian Federation.
- Bugaeva, L.D. (2023), Artificial Intelligence and Pelevin, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, no. 2, pp. 11–27.
- Gridin, A.O. (2022), Poetics of Self-Awareness of Artificial Intelligence in the Novel «iPhuck 10» by V. Pelevin, *Aktual'nye voprosy lingvistiki i literaturovedeniya*, vol. 23, pp. 454–460.
- Deleuze, J. and Guattari, F. (2007), *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, U-Faktoriia, Ekaterinburg, Russian Federation.
- Dmitriev, A.V. (1998), *The Sociology of Political Humor: Essays*, «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia», (ROSSPEN), Moscow, Russian Federation.
- Zhilicheva, G. (2021), *The Poetics of the 20th Century Russian Novel: Essays*, Otkrytaya kafedra, Novosibirsk, Russian Federation.
- Zalomkina, G.V. (2021), Porfirii and Porfir'evich: From Fictional Digital Technologies of Literary Creativity to Real Ones, *Man in the information society: collection of materials*, pp. 429–434.
- Zalomkina, G.V. (2019), V. Pelevin's iPhuck 10 as a Metapoetological Novel, *Mirgorod*, no. 1, pp. 164–192.
- Zuseva-Okzan, V.B. (2014), *The Historical Poetics of the Meta-Novel*, Intrada, Moscow, Russian Federation.
- Karyakin, Yu. (1971), *The Man Within Man*, *Voprosy literatury*, no. 7, pp. 73–97.
- Kibal'nik, S.A. (2018), *Hypertexts of "Crime and Punishment" in Russian Literature of the Late 20th – Early 20th Century*, *Tekst i traditsiya*, no. 6, pp. 128–139.
- Kozintsev, A.G. (2007), *Man and Laughter*, Al-eteiia, St.-Petersburg, Russian Federation.
- Kuznetsov, S.A. (2000), *The Large Explanatory Dictionary of the Russian language*, “Norint”, St.-Petersburg, Russia.
- Poddubnaya, R.N. (1971), The Image of Porfirii Petrovich in the Artistic Structure of the Novel by F. Dostoevsky "Crime and Punishment", *Voprosy literatury*, vol. 1/16, pp. 48–58.
- Reznik, O.V. (2021), Allusions to the Image of F. M. Dostoevsky in the Space of V. Pelevin's Novel "iPhuck 10", *The Works of F. M. Dostoevsky in the Context of World Literature: conference proceedings*, pp. 45–47.
- Rudnev, V.P. (1999), *The Dictionary of XX Culture*, Agraf, Moscow, Russian Federation.
- Simkina, V.S. (2019), The Concept of Consumer Society in V. Pelevin's Prose: The Function of the Sign, *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1, pp. 119–125.
- Foucault, M. (1999), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Ad Marginem, Moscow, Russian Federation.
- Shmid, V. (2003), *Narratology. Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russian Federation.
- Yan', M. (2021), *Pelevin's Works in the 21st Century*, Nauka-yunipress, Voronezh, Russian Federation.

Submitted: 03.10.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 11.12.2024